

Психолог в школе: первый год работы

Р. ЕФИМКИНА,
Т. ИЛЬИНА,
Т. ГРИГОРЬЕВА

Психолог приходит в школу

До недавних пор в школе не было штатной единицы психолога. Но потребность в психологических знаниях была всегда. Когда работаешь с людьми, возникает множество сложных ситуаций, требующих разрешения, и делать это нужно профессионально.

И вот психолог в школе появился. Попав в школу, он не может сразу приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей, как, например, это делают учителя. Когда в школу приходит учитель после окончания вуза, он попадает в сообщество профессионалов, где чётко определены его обязанности, права, объём работы, где ему не нужно доказывать необходимость и принципиальную полезность своего труда. Конечно, у него возникают проблемы с адаптацией, с установлением системы отношений, чаще всего в межличностном плане. С психологом же дело обстоит совсем иначе. Во-первых, школа пока не имеет представления о его возможностях. У школы есть свои, обыденные представления о психологии, зачастую неадекватные. Во-вторых, психолог приходит в школу в единственном числе, а психологических проблем у школы очень много. Причём многие проблемы, психологические по проявлениям, вовсе не являются психологическими по причинам. Устранить эти проблемы только психологическими методами часто не представляется возможным. В-третьих, не определён статус психолога.

Поэтому психолог, который пришёл в школу, ставится в ситуацию самоопределения и поиска своего места в школьной системе. А это, по законам системы, приводит к её сопротивлению, а иногда и к жёсткому отторжению.

От нас ничего не хотят

Поначалу у некоторых из нас было ощущение, что от нас в школе вообще ничего не хотят. Ну появился ещё один человек, ну сидит в своём кабинете (если он есть), что-то делает. Педагоги так привыкли к трудностям своей работы, так привыкли полагаться лишь на себя, свой опыт, что часто не знают, какую помощь они могут получить от психолога. И даже если психолог проявляет инициативу, то обнаруживает безразличие или непонимание со стороны педагогов.

“...Завуч по начальным классам отнеслась к моему приходу как к очередной моде, которая года через два-три пройдёт и каждый снова станет заниматься своей работой. Я предложила прочесть возрастную психологию учителям начальных классов, на что она ответила: “Зачем? Учителя отлично сами всё знают о детях из собственного опыта. Твои рассказы — очередная мода, а у нас и так работы невпроворот...”

Когда психолог — бывший учитель

Есть ещё одна причина, почему к нам не обращаются за консультациями. Многие из нас — бывшие учителя своих же школ. Нас хорошо знают как предметников, как педагогов. Когда мы возвращаемся в новом качестве, бывшим коллегам нужно преодолеть барьер, мешающий взглянуть на нас иначе, другим взглядом. Особенно трудно вызвать доверие старшего поколения педагогов, для которых мы так и остались неопытными, молодыми, многого не умеющими учителями, проповедующими романтические идеи, не понимающими реальных трудностей школы. Часто нас справедливо спрашивают: а можно ли подготовить специалиста за девять месяцев?

Психолог — человек со стороны

У тех психологов, которые никогда раньше не работали в школе, возникают другие проблемы. Не зная организационных особенностей школы, они плохо ориентируются в “подводных течениях” взаимоотношений в коллективе. У педагогов возникает вопрос: “Как он может мне помочь решать проблемы, в которых сам не ориентируется?” Завышенные ожидания — другая крайность.

Вначале казалось, что реально от нас ничего не хотят. Но вместе с тем мы ощущали к себе повышенный интерес, любопытство. После приветствий, вопросов о ставке и о зарплате, после нашего официального представления на первом педсовете нас нередко ожидала другая крайность — множество самых разнообразных требований и просьб.

Социологическая справка. На вопрос, что ждут от нас учителя и администрация, были получены вот такие ответы: они ожидают помощи по всем нашим предложениям. Причём самые высокие ожидания у завучей — 77%, у учителей — 63%, у директоров — 67%.

Вот результаты, полученные в ходе опроса.

Решение проблем, связанных с преподавательской деятельностью, — 93 %.

Повышение профессионального уровня — 79%.

Профилактика и улучшение здоровья — 86%.

Разрешение конфликтов с коллегами — 86%, с учениками — 86%, с родителями — 86%.

Помощь учителям, если в классе плохая успеваемость, — 93%, дисциплина — 86%.

Отбор учащихся в первый класс — 100%.

Организация и обеспечение дифференцированного обучения — 100%.

Аттестация учителей — 79%.

Профорентация — 86%.

Налицо сверхожидание, особенно завучей. Самое парадоксальное, что причина всё та же: незнание того, что может психолог, и как его использовать. Поэтому на новичка сваливается гора обязанностей. Это и чтение лекций сразу на все темы, и выпуск психологических бюллетеней. Это и ожидание чудесных исцелений, как от Кашпиоровского, и гипноза, и уменьшения подростковой преступности.

Мы столкнулись с разными ожиданиями, с разными ролями, в которых нас видят или хотели бы видеть.

Модная достопримечательность

Эта роль диктуется администрацией. Психолог нужен не для решения конструктивных задач, а как символ новаторства, показатель прогрессивности школы и её директора.

“...Школа, в которую меня пригласили работать, разительно отличается от других школ города. Здесь есть сауна с тренажёрным залом и чайной, бассейн, кабинет информатики и т.д. Мне сразу же предоставили кабинет для индивидуального консультирования, лекционный зал, комнату для групповой работы. Но дальше этого не пошло. Я появлялась в школе раз в неделю, чтобы проводить занятия по плану. На первое занятие пришли не только учителя этой школы, но были приглашены и коллеги из других школ района, так что я чувствовала себя героем басни “По улицам слона водили...”. В другой раз вместо занятия мне пришлось принять участие в чествовании юбиляра. В третий раз мне предложили проконсультировать молодых педагогов для участия в конференции “Психологические особенности урока”. На деле же оказалось, что речь идёт об обычном КВНе...”

“...Наша школа числится в передовых, и все проявляют к ней повышенный интерес. В ней всегда много гостей, часто бывают комиссии, проверяющие. И поэтому психолог ей просто необходим: это ещё одна изюминка, которыми школа напичкана, как батон...”

Баловень судьбы

В школе работа адская, и на психолога часто смотрят как на человека, занявшего “тёплое место”: работает меньше, реже и т.д. Эту специфическую работу могут считать той нишей, которую нашёл умный человек, чтобы избежать тягот учительского труда. Учителя часто с завистью говорят психологу: “У тебя хорошая жизнь”.

И поэтому, когда они открывают для себя нужность психолога, это бывает приятно обеим сторонам... Один коллега пошутил, что лучший результат внедренческой деятельности психолога — отношение к нему не хуже, чем к уборщице: он так же незаменим.

Человек, знающий тайны

Речь идёт о том, что психолог в силу своей профессии знает о людях то, что для других является тайной. Обычно классные руководители спрашивают: “Ну как там мои дети ответили на вопросы анкеты (теста)?” Или: “Поработай с моей Сидоровой, а потом мне расскажешь, что там у неё на уме. Я не могу к ней ключ подобрать”. Или: “Дай мне каких-нибудь анкет, я своих потестирую, а то не пойму я их что-то”.

С другой стороны, иногда люди не обращаются к психологу из-за опасения, что их личные тайны станут известны другим. Поэтому психолог всякий раз должен подчёркивать, что о разговоре с ним никто никогда не узнает, что он не имеет права разглашать тайны “по долгу службы”. Это почему-то имеет прямо-таки магическое действие, клиенты успокаиваются: если психолог не имеет права, то можно быть откровенным, работа у него, дескать, такая. Дети обычно не спрашивают, но всем своим видом показывают, что ждут каких-то заверений и клятв. Поэтому важно сказать об этом самому, не дожидаясь вопросов.

Когда люди поймут, что все тайны не идут дальше вас, что из кабинета психолога нет утечки информации, доверие к вам возрастёт.

Пугало, или опасный человек

Очень часто, придя на консультацию, родители чуть ли не со слезами на глазах просят: “Только, пожалуйста, никуда нас не записывайте, не нужно нас ни на какой учёт ставить. Муж сказал: “Вот сейчас сходишь к психологу, а потом нашего сына отправят в спецшколу”.

Учителя могут пугать психологом, как милиционером: “Смотри, Иванов, будешь так себя вести — отправлю к психологу!”.

Ученики тоже относятся к появлению в классе психолога настороженно. Иногда можно услышать: “Психолог — это психов лечить?” Бывает, что после посещения психолога ребёнок начинают дразнить “психом”.

Добрая мама

Эту роль приходится играть для детей, которые по той или иной причине стали завсегдатаями кабинета. Часто, придя на консультацию и увидев, что здесь нет ничего страшного, дети возвращаются в кабинет снова и снова. Одни прибегают просто поздороваться, поиграть, посмотреть картинки, игрушки. Другие ждут “поглаживаний”, которые мы даём, для третьих это место — безопасный островок, куда можно прийти в любое время. В школе это в основном дети из неблагополучных семей. Раз попав сюда, познакомившись с психологом, они уже постоянно привлекают к себе его внимание: здороваются, делятся новостями, спрашивают: “А когда снова позовёте?”

“...Я познакомилась с детдомовскими ребятами, мы читали сказки, рисовали. И теперь, завидев меня, они бежали навстречу с криками: “А когда мы ещё будем рисовать?!” Обычно бывает так: я сижу и работаю в своём кабинете, они заходят: “Можно поиграть?” — “Можно”. И они играют. Сами.

Я стала наблюдать за ними, не вмешиваясь в их игры. Интересно, что игрушки есть и в комнате, но они приходят играть сюда. Почему? Потому что, во-первых, здесь есть взрослый, в котором детдомовские дети постоянно ощущают нужду. А во-вторых, я им сразу объяснила, что здесь нельзя кричать, топтать. Когда они одни, их игры превращаются в свару, от которой они сами устают. А здесь им не нужно ничего отбирать кричать, и, видимо, они сами получают от этого удовольствие...”

Нельзя забывать, однако, что психолог прежде всего профессионал. “Хороший человек” — это много, но не всё. И когда психолог подменяет собой родителей, то часто оказывает медвежью услугу и родителям, и детям, и себе.

Подружка

Учителя тянутся к психологу по разным причинам: кто-то из престижных соображений (очень модно и популярно сейчас дружить с психологом), кто-то — чтобы получить доступ к интересной литературе, кому-то нужен советчик и помощник. Иногда через подружку-психолога надеются “по секрету” получить информацию о проблемах директора, администрации, коллег. Отношения психолога с коллегами могут иметь оттенок диагностики — “с плохим психолог не поведётся”. Хорошие отношения с кем-либо — как реакция лакмусовой бумажки, что человек хороший. Причём попытки набиться в друзья могут быть настойчивыми: паломничество на дом, приглашения на вечеринки и т. д.

Психолог оказывается в сложной ситуации: отвергнуть дружбу — значит обидеть, если принять, то трудно сохранить конфиденциальность отношений.

Судья

В школе, как и в любой организации, существуют конфликты и между двумя людьми, и между группами. И психолога обычно стараются привлекать, как боевого слона, то в один клан, то в другой для усиления позиции.

“...Очень часто на работе я сталкиваюсь с такой проблемой. Как только на педсовете разгорается какой-то конфликт (а разгораются они у нас часто), так сразу же завуч встаёт и говорит: “Вот вы, психолог, пожалуйста, дайте оценку и совет, как поступить”. Практически за этими словами скрывается просьба обвинить одних и похвалить других (“не нам помогите, а их накажите”)...”

“...На собрании разгорелся конфликт между учителями начальной школы и теми, кто работает в “среднем звене”. Спор типичный: кто виноват в том, что бывшие третьеклассники забывают записать домашнее задание в дневник в конце урока? Среднее звено: “Это ваша недоработка, вы их не научили записывать задание”. Начальная школа: “Ничего подобного, у нас отлично записывали, это вы не умеете правильно задавать задание!” И если психолога просят вмешаться и разрешить конфликт, то его стратегия заключается не в том, чтобы найти виноватого, а в том, чтобы перевести спор в конструктивное русло: “Давайте подумаем вместе, как лучше преодолеть эту трудность...”

В таких ситуациях важно научиться быть нейтральным человеком, ни в коем случае не давать скорых советов, не устраивать сиюминутных разбирательств, иначе роль судьи сместится ролью козла отпущения, когда на психолога ополчатся и та, и другая конфликтующие стороны. Психолог должен сохранять независимую позицию. Ему нельзя быть “человеком школы”, особенно тогда, когда он консультирует родителей и учителей по поводу школьной ситуации.

Крайний

Чаще всего этот ярлык навешивается администрацией. Если, например, совместная работа завуча и психолога не удалась, то крайним оказывается психолог.

“...Ко мне обратились с просьбой проконсультировать мальчика из трудной семьи, и я провёл две консультации. Потом я был в командировке, а когда вернулся, то узнал, что его дела стали ещё хуже: он стал нюхать какую-то гадость. И тут до меня дошли отзывы старых учителей: “Стало невозможно работать с учеником. Это психолог с ним позанимался...”

Экстренная помощь

Многие родители, учителя от первой же встречи ждут мгновенного результата, чудесного исцеления. Если же этого сразу не происходит, то разочаровываются и больше не возвращаются. Поэтому в самом начале встречи психологу следует ориентировать клиентов на более длительную работу, договариваться на несколько встреч.

Последняя инстанция

С помощью психолога очень просто решаются проблемы с “трудными” детьми, особенно в начальной школе. Учителя отправляют родителей к психологу, чтобы потом можно было сказать: “Даже психолог здесь ничего сделать не смог, и я умываю руки”. И на ученика навешивается ярлык “трудного”.

“...Учительница, недавно работающая в школе, попросила меня выступить на родительском собрании. У её подопечных резко снизилась успеваемость по сравнению с прошлым годом; чтобы успокоить встревоженных родителей, им нужно рассказать о том, что дети в данный момент переживают возрастной кризис... Очень удобно, гораздо легче, чем подумать над действительными причинами и что-то сделать в этом направлении...”

Так же рассуждают некоторые родители: психолог должен дать “таблетку”, которая без затрат с их стороны поможет. Если не помогли ни учителя, ни психолог, то что можем сделать мы, родители?

Сверхчеловек, идеал

Слово “психолог” в обыденном сознании часто не столько обозначает определённую профессию, сколько указывает на человеческие качества. В школе, например, подразумевается, что учитель просто обязан быть психологом. Ну а уж психологу сам Бог велел быть принципиальным, идеальным семьянином, воспитателем и т.д., то есть чем-то вроде сверхчеловека. Психолог в школе находится под пристальным вниманием: как он выглядит, как ведёт себя, как работает, как живёт. Для учеников психолог может стать примером для подражания.

Вы можете взвалить на себя эту ношу, но к добру это не приведёт. Если вы покажете окружающим, что вы, как любой другой человек, имеете не только свои недостатки, но и свои достоинства, да к тому же — хороший психолог, то это ваша победа.

Так нужен ли школе психолог?

Итак, возвращаемся к вопросу, поставленному вначале: нужен ли школе психолог? И готова ли школа его принять?

Первые выпускники-психологи — камикадзе. Они создают прецедент. Важно, чтобы педагоги поняли, как работает психолог, чем его работа может дополнить работу учителя. Он должен сделать так, чтобы отношение к слову “психолог” стало спокойным, даже обыденным, чтобы школа воспринимала психолога как привычную реальность. Первые выпускники уходят из школ в центры, кооперативы, туда, где есть условия для работы, где больше платят. Но даже не это главное.

Когда мы брали интервью в школах, на вопрос: “Нужен ли психолог в школе?” получи-

ли в ответ единогласное, стопроцентное “Да!”. Все 69 опрошенных (20 родителей, 28 учителей, 14 завучей и 7 директоров) разного пола, возраста, стажа из 8 школ двух районов города Новосибирска в один голос заявили, что психолог нужен.

Но когда мы пришли работать и увидели, что наша профессия на самом деле никому в школе не нужна, что с психологическими проблемами учителя не идут к нам, а по привычке сами пытаются в меру способностей с ними справляться; что они представления не имеют о наших возможностях, но возлагают на нас надежды, которые мы не можем оправдать; что на нас порою смотрят как на бездельников, непонятно зачем появившихся в школе, — мы растерялись.

Нужна ли школа психологу?

Конечно, было бы весьма заманчиво свалить всю вину за отсутствие результатов (а что такое в психологической работе результат?) на неподготовленность школы к принятию психолога. Но это только часть правды. Можно сказать, что и психолог оказывается не подготовленным к принятию школы.

В какой-то мере мы имели представление о школе. Во-первых, многие из нас были учителями. Во-вторых, на школу был нацелен весь курс обучения. В самом начале учёбы мы участвовали в деловой игре, посвящённой отношениям “психолог — школа”, которая помогла нам самоопределиваться как будущим психологам. Потом нам был прочитан курс социологии, после чего мы отправились в школы: брали интервью у администрации, учителей, родителей, учеников, чтобы выяснить спрос, ожидания, требования к психологу.

Но вот школа стала для нас реальностью. Казалось бы, ничего нового ждать не приходится, всё уже известно, всё предусмотрено. Но...

Деловая игра

Эта однодневная игра проводилась на второй неделе обучения и была нашей первой попыткой взглянуть на школу глазами будущего психолога, а не учителя.

Нас разделили на две группы, чтобы каждая самостоятельно ответила на вопрос: каким должен быть психолог в современной школе?

Первая группа говорит о роли психолога, пока нам не ясной. В чём эта роль? В помощи учащимся в адаптации к школьной системе? В оппозиции системе? Может, психолог должен быть духовным пастырем, который работает на Личность, проповедует общечеловеческие ценности? Или он сам должен воспитать Личность, которая бы эту систему изменила? На кого вообще работает психолог? Проблемы у первой группы глобальные, проблемы никак не меньше, чем мировые и общечеловеческие...

Параллельно работает вторая группа. Она констатирует, что современная школа в кризисе. И тот же вопрос: чем заниматься психологу в такой школе? Содействовать составлению оптимальных учебных программ? Решать проблемы дисциплины учащихся? Адаптировать “трудных”? Оздоровливать климат в педагогическом коллективе? Заняться просветительской работой в школе и микрорайоне? Профориентацией? Психопрофилактикой?

Это о том, каким должен быть психолог и чем ему следует заниматься. А какой должна быть школа, чтобы психолог пришёлся “ко двору”?

И мы мечтаем о школе, в которой есть выбор программ, индивидуальные планы обучения, свободное посещение уроков, нет инструкций “сверху”, учителя находятся в творческом поиске. То и дело слышны реплики: “школа гуманизма, радости и здоровья”, “личностный рост”, “школа должна работать по законам культуры”, “отношения между учителем и учеником — это отношения двух свободных личностей”, “роль психолога — выявление личностных потребностей”...

...Мы подобны детям, играющим в кубики. Построим одно сооружение — оно тут же рухнет. Пытаемся выстроить другое — и оно ломается. Пока что не получается не только стройного здания, но даже более или менее устойчивого скромного домика.

Но наши игры всё-таки кое-чему нас научили. Они отражали действительное состояние школьной психологии в стране: состояние неразберихи. И тем самым готовили нас к реальной практике.

Социологический опрос

Три месяца спустя мы “пошли в народ”: отправились в разные школы города брать интервью на тему: “Психолог приходит в школу. Ваши ожидания?” Мы составили список вопросов, которые задавали ученикам, учителям, завучам, директорам и родителям. Было одно необходимое условие: школа не должна быть своей. Во-первых, для чистоты эксперимента, во-вторых, чтобы заодно отрабатывать навыки взаимодействия с незнакомыми людьми.

Нас интересовали всё те же вопросы. Нужен ли школе психолог? Кому он должен подчиняться? Предпочитаемые формы взаимодействия с ним. Кому (ученикам, учителям, родителям) должен отдавать большую часть времени? И некоторые другие. Не будем останавливаться на результатах опроса. В результате опроса перед нами встали новые, для нас неожиданные вопросы. Например, а чем хотим заниматься мы? Когда нам стали известны ожидания школы, мы решили отметить предпочтительные виды работы и таким образом выяснить, в чём наши возможности и желания совпадают с требованиями школы, а в чём расходятся.

Психолог не подготовлен к принятию школы

И вот наконец мы в школе. Язык не поворачивается назвать себя психологом, “всемогущий маг лишь на бумаге я”, а в реальности — страх, неуверенность в себе. Вот наши воспоминания, относящиеся к началу этого учебного года.

“...Я пришла в школу совершенно неподготовленной. Мне было страшно повесить на дверь табличку: придут люди, что я буду с ними делать? К тому же до меня в школе вёл занятия профессиональный психолог, так что после него называть себя психологом было стыдно.

Я не верила в свои силы, боялась ответственности. Как-то сняла головную боль одной учительнице, но сама же восприняла это как чудо, мне это показалось шарлатанством.

Слонялась по школе в поисках работы. Этику и психологию семейной жизни ведёт директор, этику — завуч, а я не у дел. Все были уверены, что я сама знаю, что делать, и не вмешивались в мои дела.

Ожидания же учителей были такие, что я не могла их оправдать. Все ожидали какого-то глобального тестирования, а я хоть и понимала, что это бессмысленно, но ничего другого предложить не могла. Какой-то разумной программы у меня не было, а как её составлять, я не знала. И ничего лучше не придумала, чем сказать, что уйду, что в таких условиях работать невозможно...”

“...В самом начале был период, когда я почти не показывалась в учительской. Почему? Была обида на то, что ко мне никто не идёт: вы от меня ничего не хотите, и я тогда от вас ничего не хочу. Надо будет — сами придёте, а я вас уговаривать не стану...”

“...Я себя недооценивала и не любила называть словом “психолог”, особенно в разговорах с профессионалами. Скорее была “якобы психолог”. Это болезнь роста, потом прошло...”

“...Чувствуя собственную ненужность, я сидела в своём кабинете и перебирала какие-то бумажки, изучала личные дела, сама не зная зачем. Создавала видимость деятельности. Если бы кто-то заглянул — сидит психолог, работает. Но никто не заглядывал...”

“... Скажу честно, что не знала, как беседовать с клиентом, боялась его. Проблема-то его вроде ясна, а вот как ему разъяснить? Навык нужен. Разумеется, на курсах мы учились консультировать, работали в парах друг с другом, выполняя роли психолога и клиента. Но

когда закончилась учёба, стало страшно: что завтра делать с настоящим, реальным клиентом? Вдруг я не смогу ему помочь? Вдруг он встанет и уйдёт? А потом всем в школе расскажет, что я не помогла ему? И это ведь не учебная ситуация, когда один из нас встал из кресла психолога и ушёл со словами: “Ой, я не знаю, что дальше делать!” В жизни подружому: знаешь — не знаешь, а человек сидит и ждёт твоей помощи, ему наплевать, что в данный момент я сама нуждаюсь в консультации, озабочена своей собственной профпригодностью...”

Защитное поведение психолога

Все эти ощущения — от неуверенности в себе. Вчерашний учитель, закончивший девятимесячные курсы, даже самые хорошие, понимает, что он ещё не стал специалистом. Он встал лишь на первую ступеньку психологии, но тем не менее вынужден работать на результат: ведь за него платили деньги, к нему предъявляются требования.

Самым разумным было бы оглядеться, продолжая учиться. Исследовать возможности (свои и школы), потребности (свои и школы). Поработать с заказчиками на приведение в соответствие своих возможностей с их требованиями. Но часто вместо этого, чувствуя слабость своих позиций, психолог-новичок начинает реализовывать защитное поведение. И тогда целью является не дело, не профессиональные результаты, а защита собственного достоинства, самооценки. Проявляется это в разных формах.

Типы защитных ролей

Миссионер-психолог считает себя выше всех остальных, он человек, достигший совершенства в личностном и душевном развитии, с более высокой духовной организацией. Он гуру, который будет учить толпу, в чём счастье, и, обратив в свою веру, сделает всех счастливыми. Причём делать это он может достаточно агрессивно, прикрываясь при этом гуманистическими идеями и клиент-центрированным подходом.

Сноб-психолог противопоставляет себя, “яркую личность”, “серой массе”, “обыкновенным учителям, которые считают себя психологами, но разве это психология? Они даже не знают таких имён, как Фрейд, Фромм, Маслоу...”

Такой психолог забывает, что у учителя и психолога разные задачи, которые в чём-то пересекаются. И то, что учитель переквалифицировался в психолога, означает не то, что он пошёл дальше своих коллег, а то, что он пошёл по другому пути. Есть и среди учителей замечательные мастера своего дела, и им вовсе не нужно становиться психологами.

Безотказный пытается всем понравиться. Не может отстоять свою позицию и берётся помочь всем и по любому поводу.

...“Учительница встречает меня на лестнице и обращается с неотложной проблемой. Я предлагаю ей пройти в кабинет и побеседовать с глазу на глаз, но она продолжает говорить. Она так расстроена, что я не могу настоять на своём, и я выслушиваю её здесь, на глазах у всей школы. Что будет, если я откажусь? Я боюсь, что она обидится и уйдёт”...

... “Классная руководительница “трудного” девятого (выпускного) класса попросила у меня развлекательный тест для классного часа. Эта учительница пользуется в школе авторитетом, и я не смогла ей отказать. Когда же я сама пришла в этот класс проводить беседу по профориентации, дети не воспринимали меня всерьёз, ожидая очередного развлечения. У них уже сложилось представление о психологии как о чём-то забавном. Я пожалела, что не смогла вовремя отказать твёрдо и мотивированно...”

Не умея отказывать, психолог, во-первых, дискредитирует психологию, а во-вторых, значительно осложняет себе работу. Так случилось с некоторыми тестами, попавшими в руки к некомпетентным людям. Например, проективный тест “Несуществующее животное” стал чуть ли не кулуарным благодаря кажущейся лёгкости толкования. Я была свидетельницей того, как молодая учительница, коротая вместе с учениками время ожидания автобуса, предложила старшеклассникам взять ручки, фломастеры, карандаши (у кого

что нашлось) и нарисовать животное (опять-таки, вопреки всем инструкциям, на чём придётся). А потом под смех подростков выдавала каждому “результат”, импровизируя на ходу. Это одна из причин, почему нельзя давать некомпетентным людям ключи к тестам. Главное же — научиться отказывать, когда это нужно.

Оправдывающийся, вместо того, чтобы искать варианты работы, которые наиболее подходят для данной ситуации, пусть даже и не идеальные, он старается оправдать свою бездеятельность ссылками на непонимание, на отсутствие хороших условий, на неподготовленность людей к восприятию его работы и т.д. Типичные слова: “Вот если бы...”, “Разве здесь можно что-то сделать?”

Что делать, когда кажется, что ничего сделать нельзя?

Сколько раз в течение этого года каждый из нас с отчаянием в голосе пересказывал очередную безнадежную историю! А потом с надеждой спрашивал: “Что делать?”

Что делать, когда работаешь с ребёнком, а потом он возвращается домой, в неблагополучную семью, и вся твоя работа летит насмарку? Что делать, когда учитель приводит “трудного” ученика, а потом оказывается, что работать нужно с самим учителем? Что делать, когда на твоих глазах катится по наклонной пятнадцатилетняя девчонка, а помогать уже поздно? Что делать?..

“...Ко мне пришла мама восьмиклассника. За полугодие её сын получил девять двоек и решением педсовета был направлен на приём к психиатру, чтобы тот перевёл его на индивидуальное обучение. Психиатр отослал мальчика к школьному психологу, то есть ко мне. Что же произошло? В этом году в школах опробовали нововведение: начиная с восьмого класса, детей расформируют по интересам. Так, например, в нашей школе образовалось пять восьмых классов: математический, гуманитарный, биологический, английский и... 8“Д”, куда попали дети “без интересов” (школьники его тут же окрестили “классом дебилов”).

Что же получили в результате такой перетасовки?

— Разрушили уже сложившиеся за семь(!) лет группы детей со своими инфраструктурами, связями, традициями.

— Обрели детей на формирование новых групп, что нелегко именно в подростковом возрасте, в фазе негативизма.

— Многие дети пошли в тот или иной класс всё же не по интересам, а “вместе с подругой”.

— “Слили” в один класс так называемых трудных: неуспевающих, заторможенных, расторможенных, педагогически запущенных и т. д., а также тех, кто не является математиком, гуманитарием, биологом и полиглотом. В класс попало 23 мальчика и 6 девочек.

— Легко себе представить, как работает в 8“Д” классе предметникам. Но мне было интересно посмотреть на классного руководителя: что это за доблестная женщина? Я спросила её, как же она справляется со своими питомцами. Безучастно она произнесла, словно повторяя чужие слова:

— Зато остальным детям никто не мешает учиться.

— А эти?

— Овчинка выделки не стоит.

Я подумала:

— А если бы среди них был ваш собственный ребёнок?

Мальчик, которого ко мне привели, был из 8“Д”. Я знаю эту семью, так как когда-то учила его старшего брата. Знаю, что этот парень может учиться не хуже других и лучше многих. А ещё я знаю одну закономерность. Если отобрать класс отличников, то их потенциал увеличится. А если в одном классе собрать двоечников, то они деградируют ещё больше. Чтобы такие дети могли компенсироваться, они должны быть в смешанной группе: им необходимо равняться на более благополучных. Или же в классе должно быть

особое обучение с привлечением специалистов. Понимали ли это в школах? Прислушались ли к мнению психолога? Такие решения принимает директор. А пациенты — ученики 8 “Д” — идут к психологу...

Так что же всё-таки делать, когда ничего сделать нельзя? Делать то, что можно! У нас нет цели описывать конкретные приёмы, средства, с помощью которых можно разрешить ту или иную ситуацию, тем более что сколько психологов, столько и решений, каждый поступит по-своему.

Сейчас речь пойдёт не об этом, а о некой стратегии поведения в целом. Допустим, перед нами неразрешимая (как нам может показаться) ситуация. Но выбор всё же есть. Мы сами всегда стараемся построить несколько выборов для клиента, существуют они и для психолога. Ошибка наша в том, что мы часто видим только один из них, действуем в привычной для нас стратегии. Кто-то привычно вступает в борьбу, рвётся на баррикады. Кто-то привычно опускает руки от бессилия. Кто-то уходит...

Результаты самоопределения психолога

Поглощение психолога школой — это вариант, когда психолог становится исполнителем неадекватных, а зачастую и вредных заказов, идёт на поводу у некомпетентного заказчика. Не желая брать на себя ответственность, может ходить за директором с просьбой дать какое-нибудь задание; на лекциях пересказывать популярный учебник по общей психологии; тестировать всех подряд, выдавая характеристики, и исследовать “морально-психологический климат коллектива”; участвовать в коммунальных ссорах... Одним словом, не выходит за пределы того, что школа и сама умеет (либо не умеет) делать.

Давайте попробуем представить, как он поступит в приведённой выше ситуации. Что услышит от него мама восьмиклассника? Скорее всего, психолог займёт сторону школы, администрации. Он постарается убедить маму в том, что индивидуальное обучение будет полезно для ребёнка, тем самым иллюстрируя пословицу “И волки сыты, и овцы целы”. Или возьмётся тестировать, доказывая, что школа права, или давать советы.

Борьба. Психолог понял, что школа в её сегодняшней форме — отжившая система, и настроен содействовать её разрушению. Как он может это осуществлять? Демонстрировать, что, пока школа существует в подобном виде, психологу делать здесь нечего. Всячески показывать заказчику, что тот не разбирается в психологии. Критиковать жизнь и работу школы на собраниях и в кулуарах. Возглавлять или участвовать в группе “ниспровергателей”.

Такой психолог ринется на борьбу за клиента с учителями и директором, доказывая их неправоту, так что вскоре школа превратится в арену военных действий, но поможет ли это конкретному ребёнку?..

Отстранённость. Психолог бродит тенью по школе, не пытаясь наладить контакты. Его тоже никто не трогает, его как бы нет. До определённого момента это устраивает всех. Но как только возникнет конфликтная ситуация, он может оказаться крайним: “У нас же есть в школе психолог. Неужели он не мог вовремя принять меры?”

Что касается самого психолога, то его стратегия в трудных ситуациях — “плетью обуха не перешибёшь”. Он может посоветовать нанять репетиторов, чтобы исправить двойки. Как говорится, тоже вариант.

Уход. Иногда хочется всё бросить и уйти. Как в том анекдоте про банщика, который удавился со словами: “Сколько их ни мой — опять грязные!” Когда психолог уходит из школы, так и не найдя своего места, не видя пользы от своей работы ни для себя, ни для школы, — это его выбор. Уход — тоже результат его работы. Возможная плата за него — ощущение собственной несостоятельности или (и) “большие” деньги.

Сотрудничество. На наш взгляд, это самый оптимальный результат. Психолог принимает школу такой, какая она есть: с её недостатками и достоинствами. Сохраняя своё лицо, работая на своём уровне, он тем не менее настроен на психологизацию школы, на

помощь реальным людям, не дожидаясь слома школьной системы. Можно постепенно внедряться в школу, потихоньку “инфицировать” сознание учителей вирусом психологии. Сегодня вас не станут слушать, отмахнутся и сделают по-своему. Завтра ваш прогноз сбудется и кто-то скажет: “А психолог-то был прав!” А послезавтра — кто знает? — может быть, прежде чем сделать важный шаг, спросят вашего мнения.

Сотрудничество — самая оптимальная стратегия поведения психолога в современной школе. Но это несколько затёртое слово. Для тех, кому оно не очень по душе, можем предложить другое — партнёрство. Психолог и школа — партнёры. Принимаете?

Будни. С чего начать?

Речь пойдёт об организационных моментах, которые неизбежны при вступлении в должность. Есть некоторые шаги, значительно облегчающие и ускоряющие адаптацию психолога. Они кажутся простыми и очевидными, поэтому часто на них не обращают внимания. А мы обратили...

Представление. Лучше всего, если школьного психолога на первом же педсовете представит некое значимое лицо, например, руководитель курсов психологии или заведующий кафедрой психологии местного вуза, знакомый с проблематикой школьной психологии. Он же расскажет о том, чем должен заниматься школьный психолог, конкретизирует его задачи и объём работы, даст критическую оценку существующим инструкциям, определяющим работу школьного психолога.

“Тронная речь”. Если психолог представляется сам, то ему следует сделать небольшой доклад о сферах деятельности и функциях школьного психолога, предварительно согласовав планы с администрацией. Это даёт возможность: во-первых, познакомиться с педагогическим коллективом, во-вторых, определить область и объёмы своей работы, предусмотрительно уменьшая поток самых разнообразных просьб и приказов.

“...Случилось так, что в самом начале учебного года я был в командировке и не представился. А когда вернулся, то никто меня не знал, в кабинет никто не заглядывал. Так продолжалось почти полгода. Я чувствовал свою ненужность...”

“...Ошибкой моей было то, что я с самого начала не сделала саморекламы (в хорошем смысле слова), так что до второго полугодия люди не знали, что умеет и может психолог. Вот почему обращений со стороны учителей было мало. В основном шли те, кто был знаком со мной раньше, либо кто уже когда-то был у психолога и знал, чем он может помочь...”

“... Я всё думала, о чём рассказать на первом педсовете для знакомства. Не хотелось, чтобы моё выступление прозвучало сухо и официально. И я рассказала о себе: какую я была до курсов психологии (могла разрыдаться только из-за того, что кассирша в магазине неправильно сдала сдачу) и какую стала. Такая своеобразная реклама психологии...”

“...Я на первом же педсовете выступила, рассказав о том, чем буду заниматься. Потом предложила задавать вопросы. Учителя сразу спросили: “А на родительском собрании вы можете выступить?” Я с готовностью пообещала. И что же произошло? После педсовета ко мне подошли все пятьдесят учителей с заявкой выступить у них в классах на родительских собраниях! Я попала в ужасное положение: ещё не начала работать, а уже вынуждена всем отказать...”

Выяснение спроса. С чего начинать собственно психологическую работу? С выяснения спроса среди учителей, детей, родителей. Работы много, а психолог один, так что от чего-то придётся отказаться, выбрать то, что важнее, а также то, чем интересно заниматься самому. Это можно делать как в частных беседах и разговорах, так и методом наблюдения или с помощью анкетирования.

Кому и как подчиняться?

Социологическая справка

Кому должен подчиняться психолог? Это один из вопросов, который был задан во время интервью в школах. Большинство опрошенных родителей, учителей и завучей (52 из 62) считает, что он должен подчиняться психологическому центру в районе. Наверное, это действительно оптимально. Но... у директоров по этому вопросу мнение другое: 5 из 7 ответили, что психолог обязан подчиняться директору своей школы.

Это не праздный вопрос. От того, сумеет ли школьный психолог достигнуть контакта и взаимопонимания с администрацией или нет, зависит почти вся его работа. Поэтому очень важно начать работу в школе с установления этого контакта. Но самое славное — это работа с заказчиком (директором). Нелепо ждать от администрации постановки чётких задач. Даже если задачи будут перед вами поставлены, они могут быть либо совсем не психологическими, либо психологическая часть в них будет присутствовать в очень малой степени. Трудно психологу получить результат при выполнении такой, например, задачи: “уменьшение количества правонарушителей в школе” или “улучшение морально-психологического климата в коллективе”. Необходимо в беседах, встречах настойчиво, но мягко отстаивать свои тезисы, “подбрасывать” литературу, высвечивать психологическую сторону различных школьных ситуаций, показывать результативность своей работы даже в малом.

Необходимо с самого начала довести до сведения сотрудников школы, в чьём подчинении находится психолог. Это сократит число тех, кто считает, что психолог должен выполнять заказы всех сотрудников школы.

“... Я начинал с того, что довёл до сведения завучей, что подчиняюсь только директору. Они пытались переложить на меня свою работу и ответственность. Например, организатор внеклассной работы предложила мне взять под контроль “трудных”. А что с ними может сделать психолог? Понятно, что тут нужна длительная работа, за один раз их не “починишь”, а завучу нужно “галочку” поставить. И я сказал ей: “Это Ваша обязанность — контроль над “трудными”. А я могу их только консультировать, работать с ними не как с “трудными”, а как с нуждающимися в помощи...”

“...Первый разговор с директором по поводу моих обязанностей и задач меня шокировал. Мелькнула мысль о том, что надо сразу уходить. Директор чётко выдавал задачи, которые касались чего угодно, только не психологии. Или же психологии, которую я не знала. Но после разговора я успокоилась, подумала, написала некоторую программу, где были и его задачи, но в изменённом виде. При встрече я попыталась обосновать, почему нужно заниматься именно этим. К моему удивлению, директор согласился и больше меня не трогал...”

Отдельный кабинет

Мало кто из нас может похвастаться тем, что сразу получил в школе оборудованный кабинет, оснащённый аппаратурой, соответствующей мебелью, библиотекой. Обычно кабинет нужно “выбивать”, а “выбив” захламлённую комнату (бывшую пионерскую или подсобку), оборудовать её собственными силами.

Как бы там ни было, а без кабинета работать нельзя. Поэтому надо спокойно и целенаправленно добиваться отдельного помещения, показывая администрации необходимость его для консультирования, тестирования, хранения материалов.

“... Я была очень растеряна, когда директор в начале года не предоставил мне кабинета. Я заняла выжидательную позицию, надеясь получить его со временем. Ждала я долго. То,

что мне обещали дать кабинет, но не дали, воспринималось мною не как обычный организационный беспорядок, а как обман, личная обида, неприятие меня как человека.

К концу полугодия, прослонявшись без дела, я поняла, что если так продолжать, то лучше уйти совсем: я никому не нужна, мне даже зарплату два месяца не платили — забыли включить в ведомость мою фамилию. Всё это было обидно.

А потом начала проявлять инициативу сама. Провела несколько удачных занятий с учителями, сама вызвалась работать в классе коррекции, дала открытый урок, который даже сняли на видео. Неожиданно для себя я вышла в лучшие учителя школы по результатам анкетирования учащихся.

И тогда я пошла к директору (это был очень трудный для меня шаг) и рассказала ему о классе коррекции, о том, что многое не смогли сделать, потому что для этого нет условий. Рассказала о консультациях, которые вынуждена была проводить где-нибудь в учительской, где клиент иногда плачет, а в это время входят и выходят посторонние люди...

“Хорошо, подумаем”, — сказал директор, и я получила свой кабинет. Захламлённая комнатка, выношу сор сама. То, что помогают учителя (а ведь у них собственные кабинеты, и там работы невпроворот!) — очень греет...”

“...О, это целый детектив. Я пришла к директору заранее, ещё во время курсов, и сказала, что очень важно проводить консультации именно в кабинете, а не на лестнице. “Хорошо, что предупредили заранее”, — ответили мне, и теперь у меня была половинка классной комнаты, где раньше вели кулинарию. А за перегородкой — завуч.

Откуда взялась аппаратура? Привела в кабинет начальство, усадила в кресла, включила свой магнитофон с релаксационной музыкой и произнесла: “Так можно будет расслабляться после уроков и вести аутотренинг”. Через три месяца школа закупила аппаратуру”.

“...Наша школа переполнена, и найти для меня кабинет в здании было почти невозможно. Не было рабочего кабинета и у организатора внеклассной работы. Нам предложили небольшую комнату на двоих в соседнем здании, приспособленном для начальной школы.

Я отказалась от соседства, объяснив специфику своей работы, которая требует конфиденциальности. Меня пытались уговорить, убеждая в том, что организатор в кабинете бывает редко, что ей лишь бы краски да кисточки там пристроить. И вообще мы могли бы поделить время работы, чтобы не быть в кабинете вдвоём.

Я сначала согласилась, но потом вспомнила, как работала когда-то пионервожатой. Двери комнаты не закрывались из-за паломничества детей, которым нужно было то кисточку, то линейку, то просто так заглянуть, поболтать на перемене. Поняла, что никакие наши графики дети не запомнят.

И тогда снова обратилась к директору, подкрепив свою просьбу аргументами. Мне кажется, моя настойчивость помогла мне добиться отдельного кабинета...”

Ликбез

Замечательно, если психолог придёт в школу с готовым семинаром, курсом по психологии. Курс должен быть взвешен, желателен апробирован, проверен заранее. Избегайте эффектов, фокусов. Важно не “агитировать за психологию”, а показать людям, что это даёт или может дать. Создавайте библиотеку книг по психологии, устраивайте обсуждения.

Ищите единомышленников

Ищите единомышленников, любителей психологии, заинтересованных людей, не жалейте время и силы на общение. Это окупится. Важно иметь “свою” площадку для работы по нескольким причинам. Во-первых, психолог в школе один и охватить работой всех невозможно. Поэтому он сразу должен “прикрепиться” к нескольким учителям и их классам, чтобы сузить площадку. Конечно, это может вызвать ревность других, “неохваченных”, учителей. Но это всё же лучше, чем хвататься за всё и ничего не доводить до конца. Во-вторых, ваши единомышленники-учителя помогут вам, если возникнут конфликтные ситуации.

“...Я стала знакомиться с учителями начальной школы. Почему начала именно с них? Они молодые, гибкие, лёгкие на подъём. Кроме того, они работают с начальным звеном, а ведь известно, что профилактика эффективнее лечения. Моё правило — никаких выступлений на методобъединениях, учителям и так хватает официальнойщины. Я беседовала с каждым человеком по отдельности даже не как психолог, а так, по-женски, по-человечески, как коллега с коллегой. Например, учительница делится со мной: “Слушай, у меня Иванов совсем учиться перестал”. — “Давай посмотрим, в чём дело... Может, сделать так?” Через некоторое время удивляется: “С Ивановым стало полегче: не шумит, не уходит с уроков”. Один, второй случай, и постепенно учителя сами пришли к необходимости прослушать курс возрастной психологии. И уже никто не отмахивался, что, мол, мы и сами всё про детей знаем, не надо нас учить. Со следующего учебного года я собираюсь создать постоянно работающую группу из учителей, моих единомышленников...”

Как завоевать доверие

Бессмысленно говорить о какой-то общей для всех модели психолога. Школы разные: большие, на 2000 человек, и маленькие, на 800; элитарные и средние, общеобразовательные; одни находятся в Академгородке, другие — в Железнодорожном районе. Понятно, что и специфика работы в школах различна. Мы утверждаем, что психолог должен сам построить единственную и неповторимую модель собственной деятельности, создать свой стиль.

Помните книгу “Иметь или быть” Эриха Фромма? Так вот, психолог должен быть. Он может не иметь опыта, литературы, кабинета, он может прийти на голое место, где и не слышали о психологии. И всё же все вскоре чувствуют, что психолог есть. Может, впрочем, быть и другой вариант. Спросите в иной школе, есть ли в ней психолог, и вы услышите в ответ: “А кто его знает... Табличку на дверях видели”.

Знайте, что каждую минуту, каждый день вы находитесь под наблюдением учителей, учеников и родителей. Вы можете этого не замечать, но наблюдают за вами постоянно: к вам присматриваются, “прощупывают”, оценивают манеру поведения, сказанные вами слова. И всё это влияет на ваш авторитет и доверие к вам.

Опыт показывает, что в первой фазе пребывания в школе не столько важен профессиональный уровень психолога (тем более что его некому оценить), сколько его личные и коммуникативные качества: то, как он выглядит, как себя ведёт, как общается, как пытается понять людей, систему, в которой работает, и т. д.

Составляющие оптимального, на наш взгляд, поведения — естественность, доброжелательность (умение вступать в партнёрские отношения), наличие позиции, умение принимать чужую точку зрения и в то же время спокойно доказывать свою. При таком поведении шансов завоевать доверие, расположить людей к себе и своей работе становится больше.

Время работает на нас... Это выражение стало для нас девизом. Когда приходишь в школу, хочешь немедленно показать себя хорошим специалистом. Это естественное желание, но когда в реальности этого не происходит, начинаешь беспокоиться. И тогда нужно вспомнить девиз и спокойно заниматься своим делом, не торопя время, сохраняя стойкость духа: время работает на нас... если мы работаем.

г. Новосибирск